

КОЗЫРЕВ В. А.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЕЙ

Задачу воссоздания истории отдельного слова и всего словарного состава языка лексикографическими средствами ученые в настоящее время связывают «с с и с т е м о й словарей исторического цикла (этимологических, исторических, диалектных, историко-этимологических, диалектных с историческими данными), способных в совокупности обеспечить прочтение истории слова каждого языка с необходимой для специалиста глубиной и мерой подробности» [1]. И если в начале 60-х гг. реальное состояние словарной работы было таковым, что Ф. П. Филин, определяя основную цель, к которой должна стремиться славянская лексикография (создание «словарных документов, которые заключали бы в себе непрерывность хронологических и территориальных „координат“ отдельного слова и всей лексики в целом»), с сожалением отмечал, что «лексикографы пока еще далеки от этой цели» [2], то уже к 80-м гг. в русской исторической лексикографии сложилась система словарей исторического цикла, «которые в совокупности дают сейчас исследователю наиболее полный материал по истории слова в устной и письменной форме его бытования» [3]. Прежде всего имеются в виду такие фундаментальные лексикографические труды, как Этимологический словарь славянских языков [4] (далее — ЭССЯ), Словарь русского языка XI—XVII вв. [5] (далее — СлРЯ XI—XVII вв.), Словарь русских народных говоров [6]. К сводному диалектному словарю, каковым является Словарь русских народных говоров, примыкают, дополняя его, многочисленные региональные словари, среди которых особое место занимают диалектные словари полного типа: Псковский областной словарь с историческими данными [7], Словарь брянских говоров [8], полудифференциальный Словарь современного русского народного говора [9], а также наиболее крупные дифференциальные словари: Архангельский областной словарь [10], Словарь смоленских говоров [11] и некоторые другие [12—16]. Каждый из этих словарей имеет самостоятельное научное значение, но ценность каждого из них значительно возрастает в лексикографическом комплексе, представляющем «историческую лексикографию как жанр» [17], складываемый из этимологической, собственно исторической и диалектной лексикографии. Наличие системы словарей исторического цикла обеспечивает возможность не только проследить историю отдельного слова, групп слов и т. д., но и восполнить те лакуны, которые по тем или иным причинам неизбежны в каждом из словарей. Так, при отсутствии или недостаточности письменных свидетельств прошлых эпох диалектный словарь приобретает особое значение в лексикографическом комплексе сведений о языке. Письменная судьба слова, как известно, не всегда соответствует его реальной истории. Современным диалектам известны многие древнерусские слова, которые либо вообще не нашли отражения в письменности, либо представлены в ней единичными примерами. В этом случае диалектный словарь является одним из основных источников их ретроспективного изучения. При этом, однако, ретроспекция диалектного словаря должна по возможности подкрепляться показаниями этимологического и собственно исторического словарей.

В качестве материала, иллюстрирующего возможности сопоставительного изучения исторического и диалектного словарей, в настоящей статье используется лексика «Слова о полку Игореве» (далее — «Слово»). Обращение к словарному составу этого памятника как основе такого сопостав-

ления тем более показательно, что завершено уникальное филологическое издание — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» [18], подводящий известные итоги и намечающий новые перспективы в изучении языка памятника. Поставив перед собой задачу сопоставительного изучения словарного состава «Слова о полку Игореве» и лексики современных русских народных говоров, автор статьи обратился к поискам в живой народной речи словарных соответствий к лексике «Слова», которая не сохранилась в современном русском литературном языке. Основным источником для выявления такого рода параллелей послужили данные всех опубликованных диалектных словарей, а также материалы наиболее крупных диалектных словарных картотек¹, в первую очередь КСБГ, в которой представлены сведения по говорам той территории или сопредельной той, где происходили описываемые в «Слове» события. В результате обнаружены соответствия более чем к ста пятидесяти лексемам памятника². Из них наибольший интерес, естественно, представляют параллели к той лексике, которая, кроме «Слова», нигде более не отмечена.

В вышеданных выпусках СлРЯ XI—XVII вв. (А—Н) содержится около пятидесяти случаев, когда иллюстративная часть словарной статьи представлена лишь примерами из «Слова», поскольку в других памятниках соответствующие слова или значения не обнаружены. Сопоставление исторического и диалектного словарей³ показывает, что значительная часть той лексики, которая отмечена только в «Слове» и не встречается более ни в одном другом письменном памятнике, имеется в современных русских народных говорах. Ср., например: *болого* «добро, доброе дело» [5, вып. 1, с. 282] — яросл.⁴, твер., новг., влад., нижегор., костр., волог., вост.-сиб., тобол., том., забайк., иркут. *б́лого* «хорошо; хорошо что» [6, вып. 3, с. 76], брян. *бологó* «хорошо» [8, вып. 1, с. 67], яросл. *б́логó* «хорошо; хорошо что» [15, вып. 2, с. 10]; *болонь* «низменное поречье» [5, вып. 1, с. 282] — *болонь* брян. «низменная луговая равнина у реки или у озера, заливаемая водой» [8, вып. 1, с. 67], смол. «низкая луговая равнина у реки, озера, заливаемая водой» [11, вып. 1, с. 217], «низкое болотистое место; болотце» [6, вып. 3, с. 78]; *бусовъ* (*босуъ*) «серый» [5, вып. 1, с. 359] — приамур. *б́совый* «серый» [16, с. 32]; *былина* «то, что действительно было, быть» [5, вып. 1, с. 364] — *былина* брян. «то, что было в действительности, происходило в прошлом; быть, бывшее» [8, вып. 2, с. 28], казан., вят., арх. «истинное происшествие, быть» [6, вып. 3, с. 344]; *вѣтрило* «ветер» [5, вып. 2, с. 125] — брян. [8, вып. 2, с. 51], смол. [11, вып. 2, с. 36], пск. [7, вып. 3, 128] *ветри́ло* «сильный ветер»; *возгратьи* «громко каркать, оглашать граем» [5, вып. 2, с. 281] — брян. *возгратья́сь* «начать каркать (о вороне)» [8, вып. 3, с. 39]; *взмелѣяти* «вырастить, выпестовать» [5, вып. 2, с. 153] — брян. *взмелѣять* и *взмелѣять* «воспитать, вырастить, выпестовать» [8, вып. 3, с. 24]; *гнѣздо* «род, потомство»⁵ [5, вып. 4, с. 43] — брян. *гнѣздó* «происхождение, род» [8, вып. 4, с. 27]; *гразивый* «топкий»⁶ [5, вып. 4, с. 149] — брян. *гразивый* «болотистый,

¹ Картотека! Словаря русских народных говоров (далее — КСРНГ), хранящаяся в Словарном секторе ЛО Института языкознания АН СССР; Картотека Исковского областного словаря с историческими данными (далее — КПОС), хранящаяся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина в ЛГУ им. А. А. Жданова; Картотека Словаря брянских говоров (далее — КСБГ), хранящаяся в Словарном кабинете им. проф. В. И. Чагищевой в ЛГПИ им. А. И. Герцена; Картотека Словаря смоленских говоров (далее — КССГ), хранящаяся в Смоленском гос. педагогическом институте; Картотека Словаря орловских говоров (далее — КСОГ), хранящаяся в Орловском гос. педагогическом институте.

² Часть этих параллелей в свое время была введена автором в научный оборот [19]. Выход в свет новых словарей исторического цикла предоставляет возможность и обуславливает необходимость их более детального рассмотрения в лексикографическом комплексе.

³ Под диалектным словарем понимается вся совокупность русских диалектных словарей и их картотек.

⁴ Здесь и далее языки и диалекты приводятся в сокращениях, принятых в ЭССЯ.

⁵ Кроме «Слова», в этом значении *гнѣздо* употреблено лишь в «Задонщине» [5, вып. 4, с. 43—44], где, как полагают, этот образ является вторичным [20].

⁶ Наряду со «Словом», прилагательное *гразивый* отмечено в качестве наименования — по *Грязивоу рѣчкѣ* [18, вып. 1, с. 183].

топкий» [8, вып. 4, с. 69]; *жиръ* «богатство, довольство» [5, вып. 5, с. 113] — брян. *жир* «достаток, богатство» (КСБГ); *жирный* «обильный» [5, вып. 5, с. 113] — орл., тамб., ворон., сарат. *жйрный* и *жирной* «большой, обильный» [6, вып. 9, с. 183], брян. (КСБГ), пск. (КПОС) *жйрный* «обильный»; *закладати* «закрывать» [5, вып. 5, с. 210] — *закладать* брян. «закрывать, запира́ть» (КСБГ), курск., смол., орл. «закрывать, запира́ть (с помощью какой-либо задвижки, запора)» [6, вып. 10, с. 126]; *зарание* «утро, рассвет» [5, вып. 5, с. 286] — брян. *зарáние* «раннее утро» (КСБГ), зап.-брян. *зарáние* «утро» [21, с. 111]; *кикати* (*кыкати*) «покрикивать, кричать» [5, вып. 7, с. 122] — *кйкать* брян. «кричать» (КСБГ), ю.-сиб., волог., арх., беломор., колым. «кричать (о птицах)», волог. «кричать, понукать животное, гикать» [6, вып. 13, с. 204], *кйкать* ю.-сиб., амур., иркут., перм. «кричать (о лебедях, реже — гусях)» [6, вып. 16, с. 200]; *кнѣсь* «балка, поддерживающая потолок, матица» [5, вып. 7, с. 195] — *кнес* брян. (КСБГ), смол. (КССГ) «матица»; *лжа* (*лѣжа*) «несогласие, раздор, вражда» [5, вып. 8, с. 225] — брян. *лжа* «раздор, несогласие» (КСБГ); и мн. др.

Расширение сравнительного изучения словарного состава «Слова» за счет привлечения данных современных русских народных говоров значительно обогащает ту фактическую базу, на которой основывается толкование лексики памятника.

Так, например, до сих пор вызывает противоречивые толкования словосочетание *босый влѣкъ*, не отмеченное ни в одном другом памятнике ⁷: *А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣрѣжеса на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ влѣкомъ, и потече къ луку Донца...* ⁸. Отсутствие соответствующих данных породило множество противоречивых суждений ⁹. Большинство исследователей исправляет *босый* на *бусый* и толкует его как «серый» ¹⁰. Другие, не сомневаясь в текстологической достоверности словосочетания *босый влѣкъ*, значительно расходятся в его истолковании. Вопрос о семантике древнерусского имени прилагательного *босый* (в сочетании *босый влѣкъ*) до сих пор по существу остается открытым. Даже в специальном издании — Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» — оно толкуется предположительно и весьма неопределенно: *босый* — «белоногий (?)», *босый влѣкъ* — «необыкновенный; быстрый» [18, вып. 1, с. 64]. Аналогично в СлРЯ XI—XVII вв.: *босый* — «белоногий (?)». Быстрый, необыкновенный (?)» [5, вып. 1, с. 302].

Показания современной русской диалектной речи свидетельствуют о реальности этого уникального словосочетания, поддерживая тем самым правомерность его бесконъектурного прочтения в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» и в СлРЯ XI—XVII вв., а также позволяют высказать некоторые соображения относительно его значения. В брянских говорах имя прилагательное *ббсый* (в сочетании *ббсый волк*) широко употребляется для обозначения характера волосяного покрова волка после весенней линьки: *ббсый волк* — «волк, сбросивший, сменивший шерсть в период линьки» [8, вып. 1, с. 74] ¹¹. Указанная семантика лежит в основе бытующего в брянских говорах сравнения *как ббсый волк* (букв. «как волк после линьки, сбросивший шерсть и ставший более легким на ходу», перен.: «быстрый, резвый») — для характеристики бегущего чело-

⁷ В письменности известно имя собственное *Босоволковъ*, зафиксированное в летописи под 1347 г. [18, вып. 1, с. 65].

⁸ Здесь и далее «Слово» цит. по тексту, приведенному в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [18, вып. 1, с. 15—25].

⁹ Свод основных гипотез см. [18, вып. 1, с. 64—65; 18, вып. 6, с. 205—206].

¹⁰ Основание для такой конъектуры усматривается в наличии русского диалектного прилагательного *ббсый* и *ббсбй* «серый, пепельный, дымчатый» [6, вып. 3, с. 306; 8, вып. 2, с. 27; 10, вып. 2, с. 187; 11, вып. 1, с. 297; 13, с. 48, 49; 14, с. 32; 16, с. 71].

¹¹ Например: *Ббсый волк кады шэрсть тирлит* — *вот ббсый волк, шэрсть збрáсьвет вясной, зимой был сѣрый, а збрóсил, стал ббсый, билавáтый, билáвый дѣльица, он аблáгчился, а живлѣнный дѣльица вясной, бѣгáть быстрѣя* (Брянская обл., Карачевский р-н, Ружное).

века [8, вып. 1, с. 74]¹². Ср. также известное псковским говорам словосочетание *ббсый волк*, где *ббсый* — «быстрый, резвый» [7, вып. 1, с. 131]. Семантика диалектного *ббсый* (о волке) в свою очередь выводима из значения «голый, лишенный растительного покрова (шерсти, волос)», с которым имя прилагательное *ббсый* также бытует в брянских говорах (КСБГ)¹³.

Приведенные диалектные материалы находят подтверждение в этимологической лексикографии. Так, по данным ЭССЯ, праслав. **bosъ* обнаруживает родственные образования в литов., герм., др.-исл., др.-сакс., англос., др.-в.-нем., арм., греч., хетт. — «все в конечном счете из и.-е. **bhoso-s* „голый“. Это древнее более широкое знач. может сохраняться в слав. в виде остаточного употребления, ср. укр. чоловік з босою губою „мужчина с голой губой“, т. е. „без усов“» [4, вып. 2, с. 223]. Брянские материалы указывают на то, что это древнее значение представлено на славянской территории более широко¹⁴.

В свете приведенных диалектных материалов, подкрепленных данными этимологии, сравнение в памятнике князя Игоря, бегущего из плена, с босым волком, т. е. «быстро, резво, стремительно», приобретает реальный смысл.

Введение диалектных материалов в круг сравнительного изучения лексики «Слова» позволяет обратиться к толкованию не только отдельных лексем, но и целых отрывков текста, которые до сих пор остаются неясными.

Так, не вполне понятна фраза *За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянь розъ*¹⁵, следующая за сообщением автора «Слова» о гибели Игорева войска.

Прежде всего по-разному толкуются слова *Карна* и *Жля*. Существует мнение, восходящее к первому изданию памятника, что здесь речь идет о половецких ханах. Более распространенным является взгляд на слова *Карна* и *Жля* как на олицетворение печали, скорби. Именно такое толкование представлено в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»: *Жля* — «олицетворение скорби» [18, вып. 2, с. 87]; *Карна* — «олицетворение печали, скорби» [18, вып. 2, с. 178]. Эта точка зрения нашла отражение и в СлРЯ XI—XVII вв.: *Жля* — «олицетворение печали, скорби» [5, вып. 5, с. 120]¹⁶. Однако такое толкование подтверждается в письменности лишь косвенными данными: *жалъ* — «горе, печаль» [5, вып. 5, с. 74], *желя* — «печаль, горе» [5, вып. 5, с. 86], *карити* — «оплакивать умершего» [5, вып. 7, с. 80]. Прямые соответствия словам *Карна* и *Жля* в известных нам памятниках не отмечены.

Диалектные материалы указывают на наличие в русских народных говорах параллелей по крайней мере к одному из этих двух гапаксов «Слова». Так, современным брянским говорам известны имя существительное *ка́рна* «печаль, скорбь», имя прилагательное *ка́рный* «печальный, скорбь-

¹² Например: *Ну пабѣх, как ббсый волк, што ни дагбниш, кто шйпка пабѣх, нъ тагб сѣбжут: пабѣх, как ббсый волк, и ни дагбниш* (Брянская обл., Карачевский р-н, Ружное).

¹³ Например: *Стривѣл минѣволк, но ни ббсый, а лахмѣтый. Я отстѣла. «Скажѣ куманѣк...» Малѣтвы забѣла у страстѣх чѣм зря. Ой, кум-волк стрел минѣ, лѣск зуббми* (Брянская обл., Брасовский р-н, Виженка); *Так ббсѣя ж гѣлаѣ у нибѣ, ни вѣласѣнки* (Брянская обл., Навлинский р-н, Навля).

¹⁴ В этой связи небезынтересно привести употребление имени прилагательного *босый* с аналогичной семантикой в романе А. Толстого «Петр Первый»: «В конце стола суетился полячок-дирижёр, намыливая¹ остриженные бороды, брил... Зеркало подставлял, проклятый, чтобы изувеченный боярин взглянул на босое, с кривым ребячим ртом, срамное лицо свое...» (кн. 1, гл. 18); «Врешь! Истинную несешь небылицу, князь Мартын! — Роман Борисович всем телом повернулся на лавке, навесив брови, засверкав взором (ах, не босые бы щеки, кривоватый голый рот, — совсем бы страшен был князь Роман) ...» (кн. 2, гл. 4).

¹⁵ Подборку основных толкований этой фразы см. [18, вып. 2, с. 87—89, 178; 18, вып. 5, с. 177—180; 18, вып. 6, с. 221, 238].

¹⁶ Слово *Карна* в СлРЯ XI—XVII вв. пропущено.

ный», безлично-предикативное наречие *карно* «горько, мучительно, тягостно» (КСБГ) ¹⁷.

Судя по показаниям ЭССЯ, приведенные факты русской диалектной речи не являются изолированными в славянском языковом мире. Ср. серб.-хорв. *карна* «ругань, брань, ссора», ст.-чеш. *kárna* «мука, мучение», на основании которых (а также имея в виду др.-русс. *Карна*), О. Н. Трубачев реконструирует праслав. **karyna* как производное с суф. *-yna* от глагола **kariti* [4, вып. 9, с. 155]. В свою очередь праслав. **kariti* (*se*) реконструируется на основании серб.-хорв. *карити* «сердить, злить», *карити се* «сердиться, злиться», диал. *карит* «огорчать, сердить», др.-русс. *карити* «оплакивать», русск. диал. *карить* «упрекать, выговаривать» (ряз., брян.), *кариться* «жаловаться» (ряз.) [4, вып. 9, с. 153—154]. Указанное сближение **karyna* с **kariti* позволяет (в связи с толкованием др.-русс. *Карна*) дополнить аргументацию следующими брянскими параллелями: *карить* «печалиться, скорбеть; оплакивать умершего» (КСБГ) ¹⁸.

Таким образом, диалектные данные, соотнесенные с материалами ЭССЯ, СлРЯ XI—XVII вв., свидетельствуют о реальности, достоверности древнерусского слова *Карна* и о правомерности его истолкования в памятнике как «олицетворение печали, скорби».

Представление о словах *Карна* и *Жля* как об олицетворении печали, скорби требует особого осмысления в этом контексте словосочетания *смагу мыкати*.

Убедительного толкования слова *смага*, несмотря на специальный интерес к нему комментаторов памятника, до сих пор не дано. Достаточно сказать, что в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве», где обобщены итоги более чем полуторавековой исследовательской работы над текстом памятника, слово *смага* вообще не толкуется и сопровождается вопросительным знаком [18, вып. 5, с. 175]. Если же обратиться к тем предположениям, которые выдвигались в процессе изучения «Слова», то становится очевидным, что в толковании слова *смага* обычно исходят из семантики слов *Карна* и *Жля*. В частности, сторонники мнения о двух половцевких ханах объясняли слово *смага* как «живой огонь» половцев, о котором упоминается в Ипатьевской летописи под 1184 г. [22]. Те исследователи, которые усматривают в словах *Карна* и *Жля* олицетворение печали, скорби, обычно имеют в виду под «мыканием смаги» какой-либо погребальный обычай, связывая слово *смага* с горящими углями, горячей головней погребального костра, и т. д. При всей несхожести этих толкований они имеют общее звено: семантика слова *смага* соотносится в них с понятием «огонь, пламя».

Действительно, **smaġa* и родственные ему образования этимологически связаны с семантикой «огонь» (ср., например: греч. *σμήω* аор. страд. *ἐσμήην* «сжигаю медленным огнем»), но на славянской почве они прослеживаются в производных значениях, так или иначе соотносимых с исходным, например: словен. *smāga* «смуглая кожа», чеш. *smaha*, *smāha* «жар, зной, ожог», в.-луж. *smaha* «загар», н.-луж. *smaga* «ожог», польск. *smaga* «сухость во рту», укр. и блр. *смáга* «сухость на губах; жажда» и др. Помимо этих значений, корнеслов развивает и более широкую семантику, например: словен. *smāgniti*, *smāgnet* «изнывать от тоски» [23].

Аналогичная картина наблюдается и в русских народных говорах. На многозначность слова *смáга* в свое время указывал еще В. И. Даль [24]. Новые диалектные материалы значительно расширяют наши представления о семантике и распространении слова *смáга* в русских народных

¹⁷ Например: *У меня брáтец пагѣн, тѣкъ я и тяпѣрь плáчу на нѣм, кáрна меня гладѣть на нѣм* (Брянская обл., Трубчевский р-н, Кветуны); *Мáтка нѣ дятѣнку тамѣть, кáрнѣя сидѣть, душá жѣ балѣть нѣ дятенку* (Брянская обл., Карачевский р-н, Емельяново); *Што ш ты? Кáрна мне, а ты ни жалѣиш* (Брянская обл., Брасовский р-н, Перескоки).

¹⁸ Например: *Кáрю нѣ свѣямѣ вѣнѣку, скучáю, валнѣюсь* (Брянская обл., Трубчевский р-н, Кветуны); *Кáкѣй свои гадѣ не атжѣл — нѣ тамѣ кáрыт, а кáкѣй век свой атжѣл — што нѣ нямѣ кáрытѣ: цáрства бѣжѣе, вѣчный упакѣй* (Брянская обл., Карачевский р-н, Емельяново).

говорах: брян. (КСБГ), смол. (КССГ), пск. (КПОС) «сухость на губах, во рту от жары, переутомления, болезни, сильного волнения и проч.»; брян. (КСБГ), калуж., смол. (КСРНГ) «жажда»; зап.-брян. «сильная жажда при сухости губ и во рту, налет на губах от сильной жажды, усталости и волнения» [21, с. 246]; брян. (КСБГ), смол. (КССГ) «изжога»; брян. (КСБГ), смол. (КССГ) «неприятное, вяжущее ощущение во рту»; брян. (КСБГ), орл. (КСОГ) «налет на губах и во рту»; курск. «налет, накипь на губах» (КСРНГ); брян. «пена на губах от болезни, переутомления и проч.» (КСБГ); смол. «влага на губах, накипь на губах от жара, трудов и болезни» [25]; орл. «темное пятно» (КСОГ); курск. «сажа на стенке» (КСРНГ); волог. «сажа, копоть, чернота» (КСРНГ); орл. «чад» (КСОГ); брян. (КСБГ), пск. (КПОС) «недомогание, усталость»; сарат. «горечь от безысходного горя, первый спазм в горле» (КСРНГ); брян. (КСБГ), пск. (КПОС) «горе»¹⁹. Ср.: калуж. *смагу принимать* «терпеть нужду, испытывать неприятность» (КСРНГ); брян. *смаговать* «горевать» (КСБГ)²⁰; смол. *смаженьку смаговать* «горевать, страдать» [26, с. 336]²¹; смол. *засмагуваться* «измучиться, исстрадаться» [26, с. 647]²².

На основании приведенных материалов легко реконструируется семантическая история слова **smaga* от первичного «огонь» к переносному «горе»²³. Судя по имеющимся данным, развитие производных значений восходит к праславянской эпохе. В свете указанных выше фактов *смага* «горе» вполне возможно в древнерусском языке XII в., тем более что именно с такой семантикой оно в полной мере соответствует тексту «Слова»²⁴.

Предложенное толкование слова *смага*, а также данные о семантике слов *Карна* и *Жля* приводят к мысли о том, что глагол *мыкати* употреблен здесь не в своем обычном значении — «бросать, кидать, метать», как полагают составители СлРЯ XI—XVII вв. [5, вып. 9, с. 329], а в переносном, в котором он зафиксирован в письменности в составе устойчивого словосочетания *горе мыкати* «терпеть лишения, испытывать невзгоды» [5, вып. 9, с. 329]. В подтверждение можно привести брянские параллели: *смагу мыкать*, *смаженьку мыкать* — «терпеть лишения, испытывать невзгоды» (КСБГ)²⁵.

В результате становится более понятной та метафорическая картина, которую рисует здесь автор «Слова»: «А Игорева храброго полка не воскресить! По нему кликнула Скорбь, и Печаль поскакала по Русской земле, горе людям мыкая в пламенном роге».

Перечень такого рода примеров, основанных на сопоставлении исторического и диалектного словарей, легко может быть продолжен. Материалы русских народных говоров, привлеченные к комментарию лексики «Слова» (особенно той, которая вызывает споры), позволяют уточнить, дополнить толкования, а в ряде случаев по-новому трактовать отдельные лексемы памятника. Современные диалектные параллели к тем словам, которые являются вполне понятными и не вызывают разногласий суждений, на новом материале подтверждают общепринятое их толкование. Наличие в народных говорах словарных соответствий к лексике «Слова о полку Игореве» указывает на органическую связь языка памятника с народной

¹⁹ Например: *Смага — горе, цѣлый век гарѣю, смагую, цѣлый век* (Брянская обл., Клетвянский р-н, Алены); *При бѣраг-та ня жизнь бываѣ — смага; и при нѣмцѣх тѣжѣ таскаѣ, смерть* (Псковская обл., Порховский р-н, Шмойлово).

²⁰ Например: *Када бѣтствие, он гарѣить, смагѣить, чилавѣк пичальный, хѣда ямѣ, смагѣить чилавѣк* (Брянская обл., Клетвянский р-н, Мужиково).

²¹ Например: *А як маѣ дитятка / Да на чужой/Стыране:/Ти живѣть, ти гарѣить, Ти смажиньку смагѣить?* (Смоленская губ., Ельвинский уезд, Злотово).

²² Например: *А уже мая душинька засмагувалася, /Голыду и холыду натяпелася,/ А усякий эта скверности напринималася* (Смоленская губ., Смоленский уезд).

²³ Как указывает О. Н. Трубачев, «родство значений „горе, печаль“ и „жечь, гореть, печь“ элементарно» [4, вып. 7, с. 40].

²⁴ Этому предположению не противоречит вторая, наряду со «Словом», случай употребления в русской письменности слова *смага*, относящийся к XII в. и иллюстрирующий производное значение — «сухость на губах» [18, вып. 5, с. 176].

²⁵ Например: *Смагу мыжѣ агарьмѣкѣй, дѣннѣй пѣици ни имѣл* (Брянская обл., Брянский р-н, Лопушь); *Мужѣк-та памѣр, астаѣлся я с маѣлыми дѣтѣми мыкати смагу* (Брянская обл., Трубчевский р-н, Кветушь); *Ня жѣли, а смажнѣнку мыкѣли, еѣлѣдавали, плѣха, дѣтка, жѣли* (Брянская обл., Карачевский р-н, Емельяново).

речью и является еще одним свидетельством того, что „Слово“ не стоит обособленно» [27].

Материалы исторического и диалектного словарей, подкрепленные показаниями этимологического словаря, взаимно дополняют друг друга и в совокупности обеспечивают «всесторонний подход к истории слова, широкий языковой фон и „прочтение истории“ слова с той мерой подробности, потребность в которой может возникнуть у разных категорий обращающихся к словарям специалистов» [17, с. 81].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Г. А. Соотношение цитаты и словаря (об особенностях иллюстрирования слов и значений в словарях исторического жанра). — ВЯ, 1980, № 6, с. 56.
2. Филин Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков. — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963): Доклады советской делегации. М., 1963, с. 318.
3. Богатова Г. А. О словарях исторического цикла и способах воссоздания семантической истории слова (70—80-е годы). — В кн.: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21—26 мая 1984 г.: Тезисы докладов. М., 1984, с. 110.
4. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—10. Под ред. Трубачева О. Н., М., 1974—1983.
5. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—10. Гл. ред. Бархударов С. Г. (вып. 1—6), Филин Ф. П. (вып. 7—10), ред. Богатова Г. А. М., 1975—1983.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—19. Гл. ред. Филин Ф. П., ред. Сороколетов Ф. П. М.—Л., 1965—1983.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—5. Ред. Лебедева А. И. (вып. 1, 2, 4, 5), Мжельская О. С. (вып. 1, 2, 5), Глускина С. М. (вып. 3, 4), Ивашко Л. А. (вып. 3), Корнев А. И. (вып. 4). Л., 1967—1983.
8. Словарь Брянских говоров. Вып. 1—4. Ред. Чагишева В. И. (вып. 1, 2), Козырев В. А. (вып. 2—4). Л., 1976—1984.
9. Словарь современного русского народного говора (д. Деулина Рязанского района Рязанской области). Под ред. Оссовецкого И. А. М., 1969.
10. Архангельский областной словарь. Вып. 1—2. Под ред. Гецовой О. Г. М., 1980—1982.
11. Словарь смоленских говоров. Вып. 1—3. Под ред. Ивановой А. И. Смоленск, 1974—1982.
12. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Под ред. Богородского Б. Л. Мурманск, 1979.
13. Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. Федорова А. И. Новосибирск, 1979.
14. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. Отв. ред. Филин Ф. П., М., 1980.
15. Ярославский областной словарь. Вып. 1—2. Отв. ред. Мельниченко Г. Г. Ярославль, 1981—1982.
16. Словарь русских говоров Приамурья. Отв. ред. Филин Ф. П. М., 1983.
17. Богатова Г. А. Историческая лексикография как жанр. — ВЯ, 1981, № 1.
18. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель Виноградова В. Л. Вып. 1—6. Под ред. Богородского Б. Л., Ларина Б. А. (вып. 1), Лихачева Д. С., Творогова О. В. (вып. 2—6). Л., 1965—1984.
19. Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы (ТОДРЛ, т. XXXI). Л., 1976.
20. Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967, с. 485 (Примеч. Творогова О. В.).
21. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Ред. Романович Е. М. Минск, 1973.
22. Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962, с. 634.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. и доп. Трубачева О. Н. Т. III. М., 1971, с. 682—683.
24. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955, с. 230.
25. Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, с. 846.
26. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. IV. — Зап. Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 27. М., 1903.
27. Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос его подлинности. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 39.